

ПРОЛОГ

В начале 1945 года Красная армия вошла на территорию Польши. Началось освобождение польских городов и сел от фашистских оккупантов. Шаг за шагом советские войска продвигались к западной границе Польши и, соответственно, к восточной границе Германии.

Вместе с регулярными боевыми частями в этом же направлении продвигался и Смерш. У смершевцев была своя особая задача — выявлять и изобличать фашистских шпионов и диверсантов, оставшихся в польских полуразрушенных городах и истерзанных селах после ухода оттуда немцев.

А их, шпионов и диверсантов, оставалось на территории освобожденной Польши немало. Фашисты рассчитывали и надеялись, что уходят из Польши они не навсегда, рано или поздно они сюда вернуться, а потому им здесь нужны были свои глаза и уши, своя разветвленная агентурная сеть, свои диверсанты, террористы и убийцы и сеятели всяческих враждебных слухов.

Против всей этой публики и должен был бороться Смерш. Он тоже вел войну, не менее жестокую, чем

сражения на передовой. Правда, Смерш вел войну по особым правилам. Это была незримая война, в ней мало звучало выстрелов, в ней почти не ходили в атаки — потому что четко определенной линии фронта в этой войне не было. Фронт здесь был повсюду, со всех сторон. Невидимый, неслышимый, но от этого он был еще опаснее.

Да-да, опаснее. На передовой — там все четко и ясно. Вот — ты и твои боевые товарищи, а там — враг. У смершевцев же явного видимого врага не было. Для них, в принципе, каждый мог быть как врагом, так и другом.

Положение осложнялось еще и тем, что это была Польша. Как ни крути, а чужая земля. И люди здесь также были чужими. Добрыми или недобрыми — а чужими. А от чужого человека не знаешь, что и ожидать. Поможет он тебе или не поможет, равнодушно пройдет мимо или исподтишка ударит в спину... Все могло быть на чужой земле. Поэтому приходилось большей частью надеяться лишь на себя самого. На себя — да еще на помощь боевого товарища, который рядом с тобой.

Смершевцы не были объединены в традиционные боевые подразделения — взводы, роты, батальоны и так далее. Большой частью они действовали небольшими группами. В этом имелся свой смысл и свой резон. Это в атаки ходить лучше взводами и батальонами, а выявлять затаившегося шпиона лучше именно небольшой группой. Таковы были правила этой незримой, неощутимой, но вместе с тем вполне реальной войны.

ГЛАВА 1

В освобожденный Краков спецгруппа Смерша вошла вместе с арьергардными частями Красной армии. В группе было всего три человека: старший группы — капитан Алексей Мажарин и двое его подчиненных — лейтенанты Кирилл Черных и Семен Мартынок.

До недавнего времени группа насчитывала пять человек. Но двое из них — Игнат Чаус и младший лейтенант Прохор Заречнев — выбыли из строя. Игнат Чаус — погиб, а Прохор Заречнев с тяжелым ранением угодил в госпиталь. Так уж оно получилось, причем на второй день после того, как советские войска ступили на польскую землю.

Крестьяне одного из польских сел сообщили красноармейцам, что в их селе прячутся какие-то подозрительные люди. Со слов селян, одеты эти люди были в немецкую форму, и оружие при них было немецким, но при этом говорили они не по-немецки, а вроде как по-русски. Селяне утверждали, что всего их было три человека. Ну, может, четыре... Днем эти странные люди безвылазно сидели в каком-то заброшенном сарае, а по ночам

выходили из него, таясь, бродили по селу, заходили в дома, угрожая оружием, требовали от жильцов еды и еще — самогонки.

И все бы ничего, терпеливые польские крестьяне вытерпели бы этих нежеланных гостей и, скорее всего, не донесли бы о них советским солдатам, но случилась непоправимая беда. В одну из ночей эти подозрительные люди застрелили одного из селян. Как водится, они вошли к нему в дом, а дальше... А кто ж его ведаёт, что было дальше? Должно быть, повздорили. Может статься, хозяин не пожелал делиться с ними скромными запасами хлеба и картошки, а может, и вовсе пытался не пустить их в дом... И тогда пришельцы застрелили хозяина. При хозяине была его жена и взрослая дочь, но их отчего-то эти страшные люди трогать не стали.

После этого случая все село переполошилось. Оно и понятно, ведь если эти люди застрелили одного селянина, то где гарантия, что следующей ночью они не застрелят еще кого-нибудь? И селяне, посоветовавшись между собой, снарядили ходоков к единственной на данный момент реальной власти — Красной армии. Дескать, придите и защитите нас. Избавьте село от этих страшных людей, кем бы они ни были.

Всякая недобитая нечисть, окопавшаяся в тылу, — была по части Смерша. Именно смершевцы должны были разбираться с такой публикой. Деревенских ходоков направили к Алексею Мажарину.

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

Мажарин не знал польского языка, а ходоки (их было три человека) не знали русского языка. Но тем не менее им удалось понять друг друга. Трудная беседа длилась целый час, и в результате ее Мажарин более или менее вник в ситуацию.

Дело, насколько он понял, обстояло так. До недавнего времени в селе стоял небольшой немецкий гарнизон — что-то вроде артиллерийского подразделения при трех орудиях. Вместе с немцами были и какие-то другие люди — человек десять или, может, пятнадцать. Нет, это были не немцы, потому что и говорили они не по-немецки, и вели себя тоже не по-немецки. Очень могло стать, что эти люди были русскими, хотя и были одеты в немецкую форму. Почему селяне считали, что эти люди русские? А потому, что они ругались по-русски. О, русские ругательства не спутаешь ни с какими другими ругательствами!

Ну, а потом, перед самым приходом Красной армии, немцы, забрав орудия, ушли из деревни. А вместе с немцами ушли и эти люди, которые не были немцами. Но, как оказалось, не все. Трое или четверо остались. А почему они остались — кто ж их знает? И вот они-то и убили одного из селян.

Выслушав ходоков, Мажарин тут же встретился со своими немногочисленными подчиненными. Нужно было обсудить ситуацию и определиться, как действовать дальше.

— Скорее всего, это власовцы, — высказал предположение Игнат Чаус. — Известное дело... Не очень-то они охотно драпают вместе с нем-

цами. Некоторые — остаются. Пытаются разжиться советскими документами и сойти за своих. Вот совсем недавно мы с такими уже пообщались. Под Брестом, если помните...

— Помним, — за всех ответил Кирилл Черных. — Как тут позабудешь. Злые были ребята, упорные. До последнего отстреливались. С ножами пытались на нас пойти.

— Вот и эти такие же, — сказал Игнат Чаус. — Точно вам говорю! Загорелась у гадов земля под ногами! Ищут способы, чтобы выжить. Харчишки собирают в дорогу. Подсоберут — и вперед. Верней сказать, назад. На бывшую Родину. Там-то затеряться проще.

— Вот и надо их ликвидировать, — сказал Прохор Заречнев. — Нагрянем этой же ночью в ту деревню и... Их-то там всего трое или четверо. Справимся.

— А если их больше? — усомнился Мажарин. — Скажем, трое или четверо шастают ночами по деревне, а остальные ждут их в сарайчике?.. Как бы нам не просчитаться.

— Э нет! — не согласился Кирилл Черных. — Было бы их больше в деревне, о том бы знали! В деревне разве что скроешь? Там все про всех известно. И без разницы — польская это деревня, русская или еще какая. Знаю, о чем говорю, — сам деревенский.

— Резон, — усмехнулся Мажарин. — Что ж, подкрепления просить не будем. Справимся сами. Не впервой.

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

Ближайшей же ночью пятеро смершевцев вместе с тремя ходоками отбыли в деревню.

— Там он, их сарай! — пугливо указали ходоки на приземистое строение, темневшее за деревенской околицей.

— Понятно, — сказал Мажарин. — Что ж, спасибо. А теперь марш отсюда! Да поживее!

Повторять селянам не пришлось, они все прекрасно поняли с первого раза, хоть Мажарин и говорил по-русски. Ходоки дружно охнули и растворились в темноте.

Смершевцы тихо и незаметно подкрались к сараю. Внутри сарая не слышалось никаких звуков, не было заметно огоньков и даже не пахло дымом. То есть не было ощутимо никакого человеческого присутствия.

— Обманули нас селяне, что ли? — недоуменно прошептал Чаус.

— А может, они просто ушли? — так же шепотом произнес Черных. — Говорю о власовцах... Скажем, в деревню. Или насовсем...

— Слышь, командир! — в самое ухо Мажарину прошипел Семен Мартынок. — Давай-ка я подберусь поближе да разведаяю.

— Давай, — сказал Мажарин.

— Ага, — сказал Мартынок.

И он тотчас же незримо и неслышно растворился в темноте. Вернулся он скоро и так же неслышно и невидимо, будто вырос из-под земли.

— Никуда они не ушли! — шепнул Мартынок. — Присутствуют, заразы. По крайней мере,

один. Дышит... Ну, а коль так, то и остальные где-то поблизости. Я так думаю, хлеб насущный добывают, бакланы...

Мартынок был родом из Одессы и любил вернуться в разговоре какое-нибудь специфическое одесское словечко, а то и целый оборот.

— Ждем! — приказал Мажарин.

Ждали недолго — каких-то полчаса. Вскоре в темноте послышались шаги нескольких человек, за ними — дыхание и еще какие-то звуки.

— Да! — хрипло произнес Мажарин, когда звуки и дыхание стали совсем близко. Слово «да» в данном случае означало команду «огонь».

Стрелять в кромешной тьме — дело непростое, даже если ты человек в этом деле опытный. Где тут враг, где тут свой? После первых очередей два или три тела — это было понятно по характерным звукам — свалились на землю. Кто-то — это, опять же, было понятно по звукам — опрометью бросился в сарай и захлопнул за собой тяжелую дверь, которая взвизгнула несмазанными петлями, и этот визг был громче всех выстрелов. Из сарая тотчас же раздались выстрелы — стреляли из автомата и из винтовки. А коль так, то стрелявших было, по крайней мере, двое. Хотя откуда они стреляли — сквозь стены или из каких-то щелей или окошек, — было непонятно.

— Слышь, командир! — крикнул Семен Мартынок (говорить шепотом сейчас уже не имело смысла). — Не нравится мне эта ночная серенада! А давай-ка я их гранатами! Подберусь поближе, найду какую-нибудь щелочку и...

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

— Давай! — согласился Мажарин. — Но только не один, а вдвоем. Нужен еще кто-то для надежности.

— Я! — вывалился откуда-то из темноты Игнат Чаус.

— Хорошо, — сказал Мажарин.

— А вы пока что прекратите пальбу, — сказал Мартынок. — А то, чего доброго, зацепите рабов божьих Игната да Семена...

Смершевцы прекратили пальбу, но из сарая по-прежнему продолжали стрелять. Правда, нечасто — редкими одиночными выстрелами и короткими очередями. Должно быть, берегли патроны или просто не знали, в какую сторону следует стрелять. И это было хорошо: то, что враг палит редкими выстрелами, и то, что он дезориентирован. При таком раскладе подкрасться к сараю, найти в нем оконце или какую-то другую щель и швырнуть туда гранату куда как проще. Ничего, все должно обойтись. Все будет хорошо, потому что — не впервой.

Вскоре где-то в глубине сарая бабахнул глухой взрыв — это Мартынок или, может, Чаус кинули гранаты. Из сарая раздался чей-то сдавленный крик, и вслед за ним застрочил автомат длинной, почти нескончаемой очередью. Ухнул еще один гранатный взрыв, и все стихло. Никаких выстрелов из сарая больше не слышалось.

— Всем лежать! — приказал Мажарин Заречневу и Черных. — Ждем!

— Командир! — простонал из темноты Заречнев, и было в этом стоне что-то такое, что заста-

вило Мажарина опрометью броситься в ту сторону, откуда раздавался стон.

Проход Заречнев лежал на боку, подогнув ноги.

— Что? — спросил Мажарин, хотя в этом вопросе не было смысла, потому что и так все было понятно.

— Зацепило меня, — сквозь зубы проговорил Заречнев. — В бок ударило. Кажется, два раза...

— Ах ты ж!.. — с досадой проговорил Мажарин, ощупью шаря по телу Заречнева. — Потерпи, я сейчас... Вот только...

На Заречневе был ватник, под ватником — гимнастерка, под гимнастеркой — нательная рубаша. Сложное дело! Попробуй вот так вот, при стольких одежках, да еще в кромешной темноте, определить, где рана, и одна ли она или, может, их несколько! А тем более попробуй определить, насколько они тяжелые. Огня бы сейчас, но зажигать огонь нельзя — вдруг из сарая полоснут очередью по огню!

— Что тут у вас? — подкатился к Мажарину и Заречневу Черных.

— Стукнуло его, — сквозь зубы ответил Мажарин.

— Давай я помогу, — сказал Черных. — Вдвоем сподручнее.

— Следы за сараем! — сказал Мажарин. — Мало ли что... Я уж как-нибудь сам...

Из темноты послышался чей-то короткий вздох, и перед Мажариным возник Семен Мартынок.

— А вот и я! — сказал он и осекся. — Кого-то царапнуло?

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

— Его, — указал Мажарин на Заречнева, хотя в темноте и не было видно, на кого именно он указывает.

— Сильно? — спросил Мартынок.

— Черт его знает! — ответил Мажарин. — Темно, ничего не видно... А где Игнат?

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил Мартынок. — Был рядом. Даже швырнул гранату в какую-то щельюгу. А вот где он сейчас, не ведаю. Ничего, объявится.

Голос у Мартынка был бодрым, но одновременно в нем ощущалась тревожная неуверенность.

— А те, что в сарае? — спросил Мажарин.

— Ну, с теми, думаю, все ясно, — ответил Мартынок. — Спеклись, волки дешевые. От трех гранат кто же уцелеет? Да и другие двое спели свою серенаду...

— Какие двое? — не понял Мажарин.

— Наткнулся я в темноте на двоих, — пояснил Мартынок. — Валялись рядышком в бурьяне, недалеко от входа в сарай. Один — готовый, другой — подраненный. Ворочался, стонал и матерился. По-русски, понимаешь ли... Ну, я его успокоил... Ножом. Нож он хорошо успокаивает. Четверо, кажись, их было. Власовцы, как и было сказано.

Он помолчал, прислушиваясь к темноте.

— А вот где же все-таки наш Игнат? — спросил он. — Что-то не нравится мне такая партитура... Слышь, командир! А слетаю-ка я на разведку! Верней сказать, сползаю. А вдруг он, Игнат, тоже... За-

одно швырну в сарай еще одну гранату. Для верности.

— Будь там осторожен, — сказал Мажарин.

— А то как же! — в голосе Мартынка прозвучала ирония. — «Будь осторожна, доченька, сказала мамаша, отправляя свою Сонечку на свидание с матросом. А то эти моряки такие проказники!» «Обязательно буду», — ответила Сонечка...

С этими словами Мартынок исчез в темноте. А Мажарин принялся осторожно, на ощупь расстегивать на раненом Заречневке вначале ватник, затем гимнастерку. Ему нужно было обязательно добраться до ран и перевязать их. Черных находился неподалеку, он лежал на земле, вслушиваясь и всматриваясь в темноту.

Какое-то время было тихо, затем ухнул взрыв гранаты. Никаких ответных выстрелов и прочих звуков вслед за взрывом не последовало. Вскоре из темноты раздалось тяжелое, хриплое дыхание. Черных изготовился к стрельбе, Мажарин тоже.

— Это мы, — раздался из темноты голос Мартынка. — Точнее сказать, я... Помогите — а то тяжелым парнем был наш Игнат...

Пригнувшись, Черных подошел к Мартынку и опустился на колени.

— Да, — сказал Мартынок. — Ты правильно понял. Был Игнат Чаус, и не стало Игната Чауса... Возле того сарайчика натолкнулся я на него. Игнат, говорю, что это ты тут разлегся, как на июльском пляже? Поднимайся, говорю, да и пойдем к своим. Вот, пришли мы к своим... Вроде — с Иг-

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

натом, а если разобраться, так без него. Вот такая получилась серенада...

Он замолчал. Молчали и остальные, потому что нечего тут было сказать. Тут все было четко и понятно: был Игнат Чаус, и не стало Игната Чауса. А потому слова здесь были лишними.

— А с теми, которые в сарае, — все, — сказал Мартынок. — Спеклись, бакланы... Словом, задачу свою мы выполнили.

Вот так и получилось, что на задание отправлялись пятеро смершевцев, а вернулись — трое. Игнат Чаус погиб, а Прохор Заречнев надолго слег в госпиталь. Может быть, даже до самой победы. Надо было доукомплектовывать группу, да ведь это — дело тонкое. Тут первого попавшегося не возьмешь. Тут к человеку надо со всех сторон присмотреться, прислушаться, даже — приняться. А уже потом решать, годится он или не годится для службы в Смерш. Долгое это дело — доукомплектовывать группу Смерша.

ГЛАВА 2

Оказывается, этот поляк умел говорить по-русски. Не сказать чтобы хорошо, но в общем и целом понять его было можно. Да и многие польские слова для русского уха также были вполне понятны. Что ж, и хорошо, коль оно так. Если ты понимаешь собеседника, а собеседник понимает тебя, то так вы скорее уясните, что вам друг от друга нужно.

Хотя Алексею Мажарину, Кириллу Черных и Семену Мартынку от поляка не нужно было ничего. Наоборот, это поляку было что-то нужно от них. Верней сказать, не конкретно от Мажарина, Черных и Мартынка, а, похоже, от всей Красной армии. Утром на Мажарина вышел начальник полковой разведки подполковник Резунов и сказал ему:

— Тут к нам прибился какой-то поляк. Говорит, что здешний, из Кракова. Говорит, что хочет сообщить какую-то важную весть. Вроде насчет шпионов...

— Каких шпионов? — не понял Мажарин.

— Немецких, каких же еще, — сказал Резунов. — Ну, а поскольку шпионы — это по твоей ча-

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

сти, то я думаю, что будет правильно, если я этого поляка сдам тебе, так сказать, с рук на руки. В общем, приезжай и забирай. Он тут, у меня. Может, и вправду он хочет сказать что-то путное...

Мажарин отправил к Резуну Семена Мартынка, он и привез таинственного поляка. И вот сейчас они сидели напротив друг друга и вглядывались друг в дружку. Поляк — в смершевцев, трое смершевцев — в поляка. Поляк был молодым, лет двадцати пяти, с приятным умным лицом и открытым взглядом.

— Как тебя зовут? — спросил Мажарин у поляка.

— Ян Кицак, — ответил поляк.

— Ты здешний? — спросил Мажарин.

— Да, краковский, — ответил поляк. — Все мои... — он запнулся, подыскивая подходящее слово, — моя matka и мой тато, мои дзядек и бабця — все они из Кракова.

— Хороший город — Краков, — сказал Мажарин. — Вот ведь — наполовину разрушенный, а все равно красивый.

— О, так! — согласился поляк. — Доброе место... А будет еще красивее, потому что здесь больше их нет. Немцев.

— Откуда ты знаешь русский язык? — спросил Мартынок.

— О, я плохо знаю вашу мову! — махнул рукой Ян Кицак. — Так, немного. Научился... До войны в Кракове жили русские. Они уцекаць... убежали от Советской власти и поселились в Кракове.

Я с ними водился... дружил. И они меня научили мове.

Поляк замолчал и с некоторым испугом стал смотреть на смершевцев, будто соображая, не сболтнул ли он чего лишнего.

— Ты хотел что-то нам сказать? — улыбнувшись, спросил Мажарин.

— Хотел, — кивнул поляк. — Вам или не вам — не знаю. Без разницы. Вот вы меня спрашиваете, значит — вам.

— Мы слушаем, — сказал Мажарин.

— Вначале я хотел запитать... спросить: кто вы есть, панове офицеры?

— Мы Смерш, — ответил Мажарин. — Означает «смерть шпионам». Мы ловим немецких шпионов и тех, кто им помогает.

— То добре, — кивнул Ян Кицак. — Потому что я хотел рассказать вам... — он на какой-то миг умолк, собираясь с мыслями. — Я хотел рассказать вам о шпионах. О немецких шпионах здесь, в Кракове. Точнее сказать, об одной пани... одной женщине. Я не знаю — может, она и не шпионка, а просто немецкая курва. Знаете, при немцах таких было много. Те, которые помоложе и красивее, были с офицерами, другие — с солдатами. Я не хочу их судить... я хочу сказать о другом. Я не знаю, может, это вам совсем не цекаве... не интересно, но...

— Нет-нет, нам очень интересно! — энергично махнул рукой Мажарин. — Мы внимательно слушаем! Рассказывай!

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

И Ян Кицак рассказал следующее. При фашистах он проживал в Кракове — куда же ему было деваться? Здесь был его дом, здесь жили его родители. Жить было тяжело, надо было где-то работать, чтобы не умереть с голоду, и он устроился чернорабочим в один ресторанчик. Это был ресторан для немецких офицеров, никто другой, можно сказать, сюда не ходил. За исключением, разумеется, женщин, которых приводили с собой офицеры.

До поры до времени Ян Кицак не обращал особого внимания ни на офицеров, ни на их женщин. Не до того ему было, да и опасное это дело — пристально вглядываться в посетителей ресторана, кем бы они ни были.

Но однажды он все же обратил внимание на одну из дам. Почему? Он и сам не знает, почему. Так уж оно получилось, можно сказать, само собой. Во-первых, дама была очень красива, а на красивую женщину поневоле обращаешь внимание. Во-вторых, она постоянно приходила в ресторан с одним и тем же офицером, тогда как большинство других дам то и дело меняли кавалеров. Да оно бы еще и ладно, что с одним, но это был не просто офицер, он был одним из высших чинов краковского гестапо — Кауфман. Его, можно сказать, знал весь Краков, а кто не знал, тот слышал о его страшных кровавых делах. Имя Кауфман было синонимом смерти. И вот с этим человеком-смертью та красивая женщина и приходила в ресторан. Только с ним, и ни с кем больше.

Но и это было еще не все. Еще — каждый раз Кауфман со своей спутницей уединялись в отдельном номере, и никто, пока они там были, не смел даже приблизиться к дверям того номера. За исключением, разумеется, официанта, но и официант каждый раз был один и тот же. Кроме того, эта красивая женщина хорошо говорила по-немецки — Ян однажды совершенно случайно услышал обрывок ее фразы, обращенной к Кауфману. Это был чистейший немецкий язык. Значит, эта женщина, скорее всего, была немкой.

И так продолжалось до той самой поры, пока Красная армия вплотную не подошла к Кракову и не стали слышны орудийные раскаты, доносившиеся с востока. Большая часть постоянных посетителей ресторана, в том числе и сам Кауфман, ментально исчезли. Ян, конечно, не знает, исчезли ли они из Кракова, но вот в ресторане никто из них больше не появлялся.

А вот та самая красивая женщина осталась! И все так же приходила в ресторан, но уже с другим спутником — каким-то поляком, одетым в штатский костюм. И все так же они закрывались в отдельном номере и о чем-то подолгу там беседовали. Правда, обслуживал их уже другой официант. Тот, прежний официант, исчез в одно время вместе с Кауфманом и прочими постоянными посетителями ресторана. Да-да, панове офицеры правильно поняли: ресторан работает все так же, он не закрылся, и потому панове офицеры в любое время могут туда прийти, и там им

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

будут очень рады. Правда, никаких женщин, как это было при немцах, в ресторане уже нет, но панове офицеры могут прийти в ресторан со своими женщинами.

— Значит, ты говоришь, что этот Кауфман сбежал, а та женщина осталась? — уточнил Мажарин.

— Так-так, — подтвердил Ян Кицак. — Она осталась. И это мне кажется странным. Я не понимаю...

— А что же тут непонятного? — усмехнулся Семен Мартынок. — Когда драпаешь — тут не до любовниц. Кто же в таких случаях тащит с собой красоток? Тут бы самому уцелеть... Обычное дело!

— О нет! — горячо возразил Ян Кицак. — Она не была коханкой... любовницей. Она была кем-то другим!

— Почему ты так считаешь? — прищурился Мажарин.

— Она не похожа на коханку, — с сомнением произнес Ян Кицак. — Коханки — они все на одно лицо. Они хоть и не похожи одна на другую, а все равно все на одно лицо. Думаю, панове офицеры понимают, что я хочу сказать. Я в том ресторане видел много коханок... А у этой женщины совсем другое лицо. Совсем другое...

— Другое — это какое? — спросил Мартынок.

— Ну, другое... — поляк беспомощно пошевелил пальцами. — Они похожи на собак. Да, на собак. Я говорю о немецких коханках, других я не видел. Что написано на собачьей морде? Покора своему хозяину. Покорность... Так и у немецких

коханок. А у этой женщины — совсем другое лицо. На нем — хлодь... холод. И еще — злоба.

— Ты же сказал, что она — красивая, — с недоумением произнес Семен Мартынок.

— Холод — это тоже красиво, — возразил поляк. — Только это совсем другая врода... красота.

— Ну, и кто же она, по-твоему? — спросил Мажарин.

— Я не знаю, — пожал плечами Ян Кицак. — Кто мне о том скажет? Но я думаю, что... Если она не покинутая коханка, и если она о чем-то говорила с самим Кауфманом, и если их обслуживал один и тот же официант, который тоже пропал из ресторана, как только в город вошла ваша армия, и если Кауфман убежал, а она осталась, и теперь она бывает в ресторане с каком-то поляком, и это каждый раз один и тот же поляк, то...

— То все это — очень даже интересно, — закончил за поляка Мажарин.

— Так-так, — согласился Ян Кицак. — Это очень цекави... Потому я и пришел к вам, чтобы сказать... Я не люблю немцев, — помолчав, добавил он. — Я никогда их не любил. И я хочу вам помочь. Если, конечно, вы мне поверите.

— Как часто эта женщина приходит в ресторан с тем поляком? — спросил Мажарин.

— Так же, как и с Кауфманом, — ответил Ян Кицак. — Два раза в неделю. Всегда только два раза в неделю. По средам и воскресеньям. Ровно в семь часов вечера. Всегда минута в минуту. А в другие дни — никогда.

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

— Вот как, — задумчиво проговорил Мажарин. — А вот это и впрямь интересно. Всегда минута в минуту... И по тем же самым дням, что и раньше...

— То так, — согласился Ян Кицак.

— А обслуживает их — всегда один и тот же официант? — поинтересовался Черных. — Или каждый раз разные?

— Один и тот же, — ответил Ян. — Он устроился в ресторан совсем недавно — когда из города ушли немцы.

— А кому принадлежит ресторан? — спросил Семен Мартынок. — Ну, кто в нем самый главный хозяин?

— Пан Мирончак, — ответил Ян.

— И кто он такой, этот пан Мирончак? — спросил Мартынок.

— Курва, — поморщился Ян. — Как и все хозяева. Дерет с нас три шкуры, а платит всего пару злотых.

— При немцах он тоже был хозяином ресторана? — спросил Мартынок.

— Так, — ответил поляк.

— Какой сегодня день? — поморщился Мажарин, пытаясь вспомнить.

— Вроде как вторник, — усмехнулся Мартынок.

— Так, вторник, — подтвердил Ян Кицак.

— Значит, завтра эта женщина вместе со своим разлюбленным поляком должна прийти в ресторан, — Мажарин потер лоб. — Ровно к девятнадцати ноль-ноль.

— Наверно, — пожал плечами Ян. — Она всегда приходит в среду и в воскресенье. Почему ей не прийти завтра?

— Угу... — произнес Мажарин и не сказал больше ничего.

Молчал он довольно-таки долго. Мартынок, Черных и Ян Кицак также молчали. Они понимали — Мажарин размышляет. Черных и Мартынок размышляли тоже, да и Ян, кажется, также задумался о чем-то своем.

— А ты-то завтра работаешь? — наконец спросил Мажарин, обращаясь к поляку.

— Так, — ответил тот.

— И ты завтра их увидишь — ту женщину и того поляка, который будет при ней? — спросил Мажарин.

— Если так надо, то увижу, — сказал Ян. — Когда они будут заходить в ресторан. Или когда будут уходить из ресторана.

— Да, надо, — сказал Мажарин. — И не только увидеть, но и проследить за нею. Узнать, куда она отправится из ресторана. Ты смог бы это сделать?

— Я? — удивился поляк.

— Да, ты, — сказал Мажарин. — Проследить. Но только, сам понимаешь, тайно. То есть так, чтобы ни она, ни ее кавалер не обратили на тебя никакого внимания. Справишься?

— Я? — повторил вопрос поляк, еще больше удивляясь.

— Ну, ты же хочешь нам помочь? — спросил Мажарин и в упор взглянул на Яна.

— О, так! — ответил Ян. — Я хочу вам помочь! Но...

— Ты удивлен, что мы так легко тебе доверяемся? — спросил Мажарин.

На это Ян ничего не сказал, лишь опустил голову и развел руками.

— Мы тоже не любим фашистов — так же, как и ты, — усмехнулся Мажарин. — А все остальное — неважно.

Кажется, эти слова произвели на Яна Кицака впечатление. Он поднял голову и также в упор глянул на Мажарина.

— Я сделаю то, что меня просит пан офицер, — твердо сказал он. — Правда, за это меня могут выгнать с работы. За то, что я без спросу ушел...

— Ну, если что, то это дело мы как-нибудь уладим, — пообещал Мартынок. — Мы кто? Красная армия, которая стоит на страже трудового элемента. А ты и есть тот самый трудовой элемент. А этот твой пан Мирончак — эксплуататор и шкура! Неужто мы не защитим тебя от такого кровососа? Ты только намекни, ежели чего. Самолучно явлюсь для наведения социальной справедливости.

— Добре, — не слишком уверенно улыбнулся поляк. — Скажу...

— Вот и скажи! — подытожил Семен Мартынок. — И не сомневайся. Потому что кончилось время ваших польских мироедов и шкурников! Теперь наступает твое время!

— Я не разумею... — развел руками Ян.

— Это с непривычки, — хлопнул парня по плечу Мартынок. — Со временем все поймешь. Это та самая наука, которую все понимают очень быстро. И эксплуататоры, и трудовой элемент. А пока — помоги нам, чем можешь. Раз уж ты влез в штаны, то надо их и застегнуть. Иначе получится безобразие.

— Это я понял, — на этот раз улыбка Яна была более уверенной.

— Вот и славно! — сказал Мартынок. — Командир, все прочее объясняй ему сам.

— Нам надо знать, где эта женщина проживает, — сказал Мажарин, обращаясь к Яну. — Или куда она каждый раз направляется, когда уходит из ресторана. Затем: одна она отправляется к себе или вместе со своим кавалером. Ты понимаешь?

— Так, — кивнул Ян Кицак. — Это я разумею. А вот другого я не разумею. А вдруг они выйдут из ресторана и направятся в разные стороны? Что я должен буду делать? За кем мне следить?

— А и вправду, — поразмыслив, сказал Мажарин. — Скорее всего, так оно и будет. То есть они разойдутся в разные стороны. И хорошо бы при этом проследить за обоими. А, Семен?

— Так это мы запросто! — беспечным голосом произнес Мартынок. — Дело привычное.

— Ну, коль привычное, то тебе его и делать, — сказал Мажарин. — Вот только нужно придумать, как его повернуть половчее!

— Половчее, — ухмыльнулся Мартынок, — это когда я буду при даме. Тут уж меня никто ни в чем

не заподозрит. А что? Пришел офицерик с барышней в заведение! Обычное дело. Отчего бы советскому офицеру не пригласить даму в ресторацию? Другое дело — где мне ее раздобыть в кратчайшие сроки, такую даму? С первой попавшейся на такое дело не пойдешь... Ладно, подумаем. Итак, этот поляк мой. Провожу до самой колыбельки. Кстати, — Мартынок глянул на Яна. — А почему ты думаешь, что этот кавалер именно поляк?

— А кто же он еще? — спросил Ян.

— Ну, кто... Допустим, немец. Или, может, англичанин. Тут у вас всяких перебывало.

— Нет, — после короткого размышления произнес Ян. — Он поляк. Поляки отличаются от всех других...

— Да ты что? — иронично сощурился Мартынок. — И чем же именно? Может, пояснишь?

— Ладно, не спорьте, — вмешался в разговор Мажарин. — Поляк, не поляк... Какая разница? А вот проследить за ним действительно надо. В общем, так. Ян, ты проследишь за этой дамочкой. А ты, Семен, за ее спутником. Понятно?

— Не совсем, — сказал Мартынок. — А что, если они не пожелают расставаться и после ресторана отправятся вместе в обнимку? Тогда как?

— А тогда Ян будет следить за ними двоими, а ты — его подстраховывать. А то ведь мало ли что? Четыре глаза могут заметить за собой слезку намного проще, чем два.

— Это понятно, — согласился Мартынок.

— Ян, — сказал Мажарин. — Сегодня вторник. Завтра — среда. А в четверг, рано утром, тебе обязательно нужно быть здесь. Расскажешь, что и как. У меня все.

— Так, — коротко произнес поляк и поднялся, намереваясь уйти.

— Погоди-ка, — остановил его Мартынок. — Все-то оно все, да не совсем. В общем, так. В среду, в половине седьмого вечера, я появлюсь в вашем замечательном ресторане. При мне будет дама, прошу это учесть. Хорошо бы нам с тобой там переглянуться. Не обняться и не расцеловаться, а именно переглянуться. Чтобы ты знал, что я — поблизости. И чтобы я тоже знал, что ты рядом. А так — делаем вид, что мы друг друга не знаем. И все: мы с дамой развлекаемся, ты — чистишь картошку. И все ждем, когда появится та самая красавица со своим кавалером. А потом дожидаемся их ухода и двигаемся следом за ними. Ты, значит, впереди, я с моей дамой — чуть поодаль. А дальше действуем по обстоятельствам. Вот теперь окончательное все.

— Я zrozumев, — ответил Ян, потоптался и добавил: — Я все сделаю. Я могу уже идти?

— Да, — сказал Мажарин. — Спасибо тебе.

— И вас я тоже дзякую бардзо, — ответил Ян Кицак.

— А нас-то за что? — удивился доселе молчавший Черных.

— За то, что поверили, — сказал Ян. — Вы меня не знали, а все равно поверили.

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

— Ладно, — махнул рукой Мажарин. — Там разберемся. Кстати, как называется тот ресторан?

— «Золотой голубь», — ответил Ян. — И при немцах он так назывался, и сейчас — тоже. Только теперь на нем другая вывеска. Раньше была на немецком, а теперь — на польском.

Он вышел. Смершевцы какое-то время молчали.

— Думаешь, не подведет? — спросил наконец Мартынок у Мажарина.

— Думаю, что нет, — ответил Мажарин. — Иначе зачем ему было к нам приходить? А ведь пришел... Да еще согласился последить за той дамочкой. Мог бы ведь и не соглашаться. Нет, все будет нормально. Толковый парень, нутром чую.

— Может, и толковый, — не стал спорить Мартынок. — А только все равно, для чего такой риск? Могли бы проследить и мы сами. Я — за кавалером, Кирилл — за дамочкой. Или наоборот. И все было бы в норме.

— Поляк — местный, — сказал Мажарин. — Значит, город он знает лучше. А это при слежке — очень важно. А вдруг дамочка вычислит или просто почует за собой хвост и захочет запутать следы? И запутает, как пить дать. А вот если ты хорошо знаешь город, то попробуй-ка тебя вот так запросто объегорь! Так что, я считаю, в данном случае можно и рискнуть.

— Ну да, ну да, — согласился Мартынок, хотя было видно, что он на этот счет придерживается другой мысли. — А теперь, я так понимаю, нам